

[Володька купеческий сын]

Было это в городе Петербурге. Жил купец. У него было в банке 40 тысяч, лежало у этого купца. Сын был у него Володька. Купцу и этих денег недовольно; он нашел таких людей (деньги работать еще), которые деньги работали; в порожнее время могли они подкоп копать в порожнюю избу дальше, чтобы уйти этим подкопом. Потом жил у него годовой работник. Отжил год, они его неславно рассчитали. А работник сказал: «За это я вам покажу вошь в голову!» — пошел и сказал.

Потом он приходит в полицейское правление, работник; заявляет, что деньги работает недействительные. А деньги они делали — в чужие земли отправляли; деньги в одном слове не сходятся с действительными деньгами. То полицейские говорят: «Можешь ты нам показать?» — «Я могу поутру застать на деле, кто деньги работает!»

До утра доживают. Собралась полиция, взяли этого работника, поехали к хозяину. Полиция приезжает, хозяину говорит, что «пущай нас во двор!» Приходит во двор. «Хозяин, давай нам обыск! Где вы деньги работаете? Отворяй давай подвал нам!» К подвалу подходят, а Володька рабочих спрашивает: «Сёднишнюю ночь сколько денег вы наработали?» — «Сорок тысяч только сёдни, поленились», — говорит.

Начали кладову только отпирать, эти рабочие в нору убежали, которые готовили; остаётся сын Володька только тут. Володьки спросили: «Что ты делаешь?» — «Деньги работаю». — «С кем ты работаешь?» — «Я один работаю, никого больше нет!» — Полица приказала его заковать, в тюремный замок свести. Что денег наработано, все взяли. Посадили его в тюремной замок.

Он сидел цельной год. Дело было в праздник. Генеральская дочь приносила решётку калачей в тюремный замок, разносила по несчастным. До Володьки дошла и ему подаёт. Она раньше знала его и сказала: «Володька, знать, напрасно сидишь?» — «Что поделаешь, барышня? Участь така довела!» — Она ему ничто не сказала.

Домой приходит, объясняет родителю: «Родитель, вот у меня теперь нанятой ученик, платим мы ему 30 рублей в месяц. Чем нам платить 30 рублей в месяц, выпустить купеческого сына Володьку; он разучёный очень,

на семь грамот, он будет меня обучать даром. Человек он молодой, ему скучно очень в тюремном замке сидеть; пожалей, родитель, его!» — сказала дочь. (А сама залюбила его уж.) А Володька из себя был красивый и кудрявый (волосы у него кудрявы были). — «Ну, ладно, мила дочь! Я утром схожу, выпущу его». — Генерал поутру приходит в тюремный замок, приказал его расковать. Приводит в свой дом, говорит: «Вот, ты учи мою дочь Палашу!»

Он начинает её учить; задаёт строчку, она отвечает пять да шесть. Наука пошла хорошая ей. День она с ним посидела и говорит: «Вот, родитель, тот меня учил неделю, а этот один децъ — я больше поняла в день в один!» — Сказал генерал Володьке, что «ты приучай мою дочь, постарайся! Я походатайствую, может быть, не выпустят ли тебя из тюремного замку?» — То генерал с генеральшей уезжали в гости, а они оставались в комнатах одни. То Палаша заводит его в свою спальню и говорит: «Володька, сотвори со мной блуд, а если этого не будет, то — вынула леворьверт — в тебя пулю выпущу, а потом сама застрелюсь!» — «Чем погибать, — говорит, — так лучше согласиться».

Потом они проживали с ней, этим манером, этак с полгода. Генерал стал замечать; говорит генеральше: «Мать, я вижу: дочь у нас едва ли не обрюхатела». — Генеральша на то сказала, что «сами свели! До следствия время теперь уж молчать доводится». — То во второй раз генерал опять уезжал в гости. Володя стал своей Палаше говорить: «Палаша, дело неладно! Родители узнали, что мы с тобой живём. Пойдём мы с тобой на пристань, сядем на корабль, уедем в чужие земли, и вот там мы с тобой обвенчаемся, проживём — никто и не узнает!» — Палаша узнала, что дело неладно; взяла денег у родителя немало, пошли с ним на пристань. Попутчиков ехать им никого не оказалось тут — ехать не на чем.

Володька говорит, что «я, Палаша, покупаюся!» — «Володя, ты потонешь!» — «Нет, я плавать мастер, я никогда не потону!» — Снимал с себя одежду, также рубашку и подштанники, пал в море. И вот он курнулся и поплыл. Не меньше глядела она с час время и плакала, что он потонул: не видит его. Он был плавать мастер: захочет отдохнуть, ляжет на спину, потом опять плывёт, а виду не подавал, чтобы она не видела. Тогда она отправилась домой, Палаша.

Приходит домой. Как родители ее приезжают, она на коленки встаёт и плачет. — «Что же ты, мила дочь Палаша, плачешь? Об чём больше? Скажи!» — Я перед вами, родитель, неладно сделала». «Скажи ты нам, чего

ты сделала?» — «Попросился Володя купаться на море, я никак не могла его отговорить; и вот он как пал в море, и утонул». — Генерал на то сказал: «Ну, так что же что утонул? Мы сделаем мершую бумагу, скажем, что он кончился, больше и ничего!»

Володька плыл морем, натакался на кит-рыбу. А кит-рыба хочет его съесть, а он ей не дается: где под брюхо, где на нее налезет. Потом кит-рыба всплыла наверх, как пластина. Володька залез на ней и сидит. По его счастью, ехали из иных земель на корабле — увидели человека и говорят: «Это непременно, ребята, чудовище морское, надо отворотить от него!» — То сверстались против него, скричали: «Что ты, человек или нет?» — «Я человек крещеный; не можете ли вы взять меня с собой?» — То скричали из кораблей: «Если можешь к нам плыть, к кораблю, так подплывай ближе!» — Тогда он соскочил с кит-рыбы, подплыл к ихому судну. То они подхватили его, посадили в корабль; поплыл он тогда с ними.

Прибыли они в королевство: привалились на пристань. Тотчас королю доложили, что «мы нашли на море человека; куды его дозволишь девать?» — То король приказал: «Приведите его в мои палаты; я погляжу, что за человек». Они его обрядили как следует, одели с рук и до ног. Приходит он к королю в дом. Королю он сразу пондравился: лицом красивый и кудрявый. Сказал: «Молодец, откуда? Из каких земель?» — «Зовут меня Володькой; сызмалетства я с родителем рыбачил; судно наше расшибло, я потонул на море. Не примешь ли, Ваше Королевское Величество, меня к себе на место дитя? Я служить буду Вам по смерть свою!» Король сказал: «У меня сына нет; всё равно! Будет он сначала служить у меня в доме половым». — И он стал половым служить; королю очень заглянул, а дворному генералу еще пуще того.

Пожил он месяц-другой; сказал генералу, что «мне эта служба недовольна, половым быть. По крайней мере, вы мне службу дали бы в Сеноте писарем быть», — генерал королю сказал: «Переведём его в Сеноте писарем быть». — Генерал королю сказал: «Переведем его в Сеноте писарем и зададим ему просьбу: какую он просьбу может составить?» — Перевели его в Сенот, задали ему просьбу; составил он просьбу очень хорошо, просьба заглянулась королю. Король сказал, что «не быть ему младшим писарем, а быть ему старшим писарем, чтобы он мог всем Сенотом править!» — Пожил Володька с годик; дело правил очень хорошо в Сеноте.

Наконец, король что-то захворал и поскорости помер. У короля не было братьевъев, также и племянников, наследников никаких. То сходились и

советовались: «Кого поставить в короли королевством править? В короли всякому охота, а давайте зададимте задачи: по три книги кто может списать в трои сутки — со старых книг на свежи — того и в короли». — Все сидели старались день и ночь, что списывали, а Володька ходит день и ночь, сутки, не занимается. Дворный генерал сказал: «Что же ты, Володька, не занимаешься?» — «Я человек чужестранный, где же меня поставят в короли?» — «Ну так что же? Мы тебя приняли за своёго; занимайся все-таки; напишешь, так поставим!»

На третий день Володька занялся и рано покончил, списал. То приходит на четвёртые сутки в Сенот. — «Что, ребята, у кого готово?» — То сказали, что на сутки, у другого на полторы — у всех не готово, только очудилось готово у Володьки у одного. — «Быть ему королём!»

То он королевством с год правил. Наконец сказал: «Господа, я желаю к русскому государю; у меня есть дело с царем поговорить». — «Тебя унять нельзя; можешь ты завтра ехать». — Он приказал корабль припасти к утру. До утра доживает, на корабль садится и отправляется. Приезжает в русское государство, приваливается на пристань. Дело было к ночи. Он снимает с себя королевскую одежду, надевает на себя купеческую простую одежду. Ту одежду в сундук запирает; товарищам сказал, что «я, господа, схожу один; хотя и ночь прохожу всю, вы, господа, с корабля не уходите, дожидайтесь меня!»

Идёт он по городу; видит двухэтажной домик, заходит в него. А в этом домике живут шайка разбойников. Заходит он в дом, они сидят за столом водку распивают. Атаман-разбойник взглянул на него — одежда на нем хорошая. — «Господа, убить этого человека!» — А он говорит: «Не бейте! Вырвался я сам из тюремного замку, желаю с вами вместе разбойничать; примите меня в свою шайку! Если вы не верите, глядите на моих руках: вот у меня и клеймы есть, что я несчастный».

Они были согласны; приняли его в свои товарищи: «Садись, брат, с нами за стол кушать!» Кушанье закушивали, также и водку выпивали. Наконец, атамана спросили: «А сегодня какого велишь нам купца позорить?» — Атаман сказал: «Ступайте вот к такому-то, к Андрею купцу, который деньги работал; ворвитесь к нему в кладовую!» — То Володька понял, что к его отцу посылают; пошел в разную комнату скорее: приходит, живо вынимает бумагу и карандаш, сучинил записку, положил её в карман. (Им не объясняет ничего уж.)

Подходит дело к полночи. Посылает их атаман разбойничать. Запрягали они этипаж, ехали на охоту. Подъезжают к этому Андрею к дому, начали работать, врываются в кладовую. Разломали, как человеку лезть. Володька и говорит: «Давай, братцы, я залезу живо, буду вам подавать, вы только принимайте!» — Володька залез; хотя он подает, а в стену чем-нибудь пуще колотит, чтобы слышали домашние. Услыхали домашние, что кто-то в кладовой шебарчит (стукается), выбегали, увидели этих самых разбойников. Тогда они закричали: «Володька, вылезай!» — А он не вылезает. Они сели да угнали.

Работники заходят в кладовую, увидели Володьку, не рассмотрели, что хозяин, давай его бить. Володька не отвечал, что «я хозяин» ли, что ли; а до того его добились, что он ничем не мог владеть. Сказал отец (хозяин), что «оставьте, не убивайте, оставьте до свету! Я спрошу, кто такой?» — У Володьки была сестра; запросилась: «Дозволь мне, тятенька, сходить посмотреть этого разбойника». — Отец хотя ее и не пушал, она со слезми просится: «Дозволь поглядеть; сердце не терпит, схожу я погляжу». — Она фонарь зажигала (как народ тут его караулил), приходит в кладовую, смотрит на его кудри. То сестра смотрит и плачет, сужалела: «По кудрям словно как наш братчик Володька, а лицо избито всё, в крови».

То он услышал от сестры речи, засовался в карманах, нашел записку, выбрасывает сестре под ноги. Сестра: «Что такое?» Подняла записку, читает, что «прими от меня, сестра, записку!» — Сестра заплакала, пошла в свои покои, в избу, подает записку родителю. Записку родитель рассмотрел, заплакал, приказал принести его в комнаты свои. Приносят, лицо его умывают, работника живо послали за дохтуром. К богатому в полночь — это не что, живо дохтур собирался, набирал всяких лекарствов. Дохтур намазал хорошею мазью, завязал. Тогда родитель сказал: «Что ты, милый сын, не мог скричать? Неужели ли бы я приказал тебя бить?»

Дело доходит до утра. Володька и говорит: «Родитель, прикажи кучеру запрекчи в карету, а съезжу на пристань — у меня есть товарищи там!» — Приезжает на пристань, сундук отворяет, надевает на себя мундер как следует, что подобается королю надеть. Оставил одного караульного, а тут забрал всех к себе на обед; привозит к родителю в дом.

Тогда на обряд смотрел его родитель: «Неужели ты, Володька, достигнул, что служишь королем?» — «Да, тятенька, я служу вот в такой-то державе королем. Съезди ты, родитель, или покажи кучеру, скажи, чтобы привез вот такого генерала и с женой, и с дочерью с Палашей!» — Послал Андрей к

этому генералу — привезти самого и жёнку и дочь. То приезжают к купцу. Купец Андрей принял их, начал угощать. Сидели они, а Володька был в разной комнате, с сестрой сидели. (Они еще не здоровались.)

Тогда Володька сестре говорит: «Поди, сестра, приведи с собой в комнату Палашу; скажи, что мое дело девичье, мы будем там с тобой угощаться». (Ему уж охота невесту-то скорее повидать, затем и приехал.) Приходит и говорит: «Господин генерал, дозволю мне свою дочь в разную комнату, мы будем там угощаться: наше дело девичье!» — Палаша приходит в комнату, а Володька стал против нее на ноги и здоровается с ней. Палаша обробела. — «Неужели, Володька, я тебя вижу?» — «Да и верно, Палаша, что я!» — «Я по тебе милостину всегда обношу (подаю), считаю, что ты покоен, а ты жив образовался!»

Палаша ему объяснила: «Я от тебя теперь никак не останусь! От тебя родился сын, у меня растёт». — Володька сказал: «Затем я и с королевства обратился — тебя в жёнки взять и с собой увезти! А сын будет у нас впоследствии время наследник... Можно теперь обратиться нам к родителям».

Приходят в комнату к родителям. Выходили из той комнаты все трое, здоровались с генералом; и генерал обробевши смотрел на Володю. «Неужели ты это самой и есть, Володя? Доступился до этой степени, что получил теперь чин короля?» — «Да, Ваше Превосходительство, я служу в такой-то державе королем. Я обратился из королевства: ты выдай свою дочь мне в жёны!» — «Бог благословит! Сейчас сходите к венцу, и будем мы потом пировать».

Съездили, повенчались, кутили более недели; наконец, он отправился в королевство. Распростился с отцом-матерью; прощался, говорит: «И рад бы я дома остаться, нельзя никак закон переменить!» — Увёз Палашу с сыном в королевство.

(Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева)

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Москва. Изд. "Правда", 1991.